

Элис Токлас.

*Моя жизнь
с Гертрудой Стайн*

Элис Токлас

Моя жизнь с Гертрудой Стайн

«Алетейя»

УДК 821.111(73)-94
ББК 84(7Сое)6

Токлас Э.

Моя жизнь с Гертрудой Стайн / Э. Токлас — «Алетейя»,

ISBN 978-5-906823-81-6

В течение сорока лет Элис Бабетт Токлас была верной подругой и помощницей писательницы Гертруды Стайн. Неординарная, образованная Элис, оставаясь в тени, была духовным и литературным советчиком писательницы, оказалась незаменимой как в будничной домашней работе, так и в роли литературного секретаря, помогая печатать рукописи и управляясь с многочисленными посетителями. После смерти Стайн Элис посвятила оставшуюся часть жизни исполнению пожеланий подруги, включая публикации ее произведений и сохранения ценной коллекции работ любимых художников – Пикассо, Грису и других. В данную книгу включены воспоминания Э. Токлас, избранные письма, два интервью и одна литературная статья, вкуче отражающие культурную жизнь Парижа в первой половине XX столетия, подробности взаимоотношений Г. Стайн и Э. Токлас со многими видными художниками и писателями той эпохи – Пикассо, Браком, Грисом, Джойсом, Аполлинером и т. п.

УДК 821.111(73)-94

ББК 84(7Сое)6

ISBN 978-5-906823-81-6

© Токлас Э.

© Алетейя

Содержание

Штрихи к биографии Элис Б. Токлас	5
То, что помнится[4]	9
1	9
2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Элис Токлас

Моя жизнь с Гертрудой Стайн

Штрихи к биографии Элис Б. Токлас Илья Басс

*Я – ничто, лишь память о ней.
Из письма Элис Токлас Ван Вехтену
21 мая 1958 г.*

Так писала Токлас спустя 12 лет после смерти Гертруды Стайн – о своей любви, своей спутнице по жизни и подруге по лесбийскому союзу.

Увы, слишком многие авторы различных публикаций особенно интернетовских, отводят Элис малозначительное место почти 40-летней совместной жизни этих двух женщин, характеризуя Элис всего лишь как малообразованную секретаршу, домохозяйку, кухарку, а то и гораздо хуже – содержанку и т. п. А ведь Токлас была неординарной личностью сама по себе – образованной, интеллигентной и интеллектуальной. Напомню, что у нее было музыкальное образование со степенью бакалавра (даже концертировала короткое время), она была членом литературного клуба в Сан-Франциско (ее переделка романа Генри Джеймса в пьесу приветствовал сам автор). Не чужда она была и интереса к философии – с детства читала Ницше, с юностью пришел Паскаль. Если она и держалась в тени Гертруды, то совсем не в силу ее интеллектуальной несравнимости со Стайн – такой жребий она выбрала себе сама вследствие огромной любви и преданности Гертруде Стайн.

Русскоязычному читателю, интересующемуся жизнью и творчеством Стайн, личность Элис Токлас известна по книге автобиографических произведений писательницы. В ней Элис отодвинута на второй план и представляется читателю послушной спутницей, не имевшей собственного голоса. Это далеко не так. Посмотрим на некоторые факты. Когда при появлении в Париже Элис заметила интерес Гертруды к себе, она немедленно предприняла шаги, ведущие к их сближению. Надо было печатать текст, она освоила машинопись. Надо было избавиться от подруги, висевшей у нее на хвосте и мешавшей проводить время с Гертрудой, она нашла способ это сделать. Внесла она свою лепту и в уход Лео Стайна из квартиры на улице Флерюс. А уж когда на Майорке она и Гертруда объяснились и создали семейный союз, Элис вела твердой рукой семейный корабль, отваживая всех, кто каким-то образом мог внести разлад в их союз. Многие посетители, искавшие дружбы со Стайн, обвиняли Элис в разрушении дружеских связей. Обвинение верное, но в каждом конкретном случае у Токлас были на то серьезные причины. Хемингуэй был отлучен из-за того, что его дружба с Гертрудой перешла дружеские рамки. Такая же судьба и по той же причине постигла аристократку (и бисексуалку) Мейбл Додж. Получали от ворот поворот и те, кто, по мнению Элис, переступал неписанные законы их дома. Художника Эжена (Евгения) Бермана выставили из их загородного дома, застав его в спальне с горничной. Писатель Брейвиг Имс, пытавшийся пристроить свою беременную жену рядом с дачным домом Стайн в расчете на помощь при рождении ребенка, получил от Элис звонок с недвусмысленным отказом. Можно сюда добавить и конфликт с французским поэтом Жоржем Унье, в котором Элис отстаивала равные права Гертруды в ее авторстве с Унье и многое другое. Да, Элис не забывала о собственном и Гертруды благополучии, вставала рано утром, следила за питанием, за уборкой в доме, отвечала за звонки, вела финансовые дела, редактировала рукописи и отправлялась спать в 11 часов вечера.

При жизни Гертруды Стайн Токлас предпочитала не участвовать в творческих разговорах и обсуждениях, придерживаясь «женской» половины собравшихся, занимая ее светскими разговорами.

Не давала она также интервью и не писала никаких статей или книг.

Лишь спустя несколько лет после смерти подруги, в 1950 году появилась в печати ее первая заметка, а затем последовали и книги – впервые Элис Б. Токлас заговорила своим голосом.

На русский язык переведена лишь одна книга Элис Токлас – *The Alice B. Toklas Cookbook*¹ (русское название – довольно странное – «Поваренная книга жизни»). Теперь русскоязычному читателю представляется возможность узнать о жизни и мыслях Элис Токлас по ее собственным воспоминаниям, письмам и интервью.

В данную книгу включены:

- Автобиография «То, что помнится» (*What Is Remembered, 1963*), заканчивающаяся смертью Гертруды.
- Избранные письма.
- Два интервью. В одном Токлас объясняет причины разрыва с Хемингуэем. Во втором – впервые признает свое участие в написании «Автобиографии Элис Б. Токлас».
- Статья-воспоминание «Они приехали в Париж ради свободы творчества» (*They who came to Paris to write*).
- Список публикаций Токлас.

* * *

Автобиография «То, что помнится» опубликована в 1963 году, когда Токлас было 86 лет. Несмотря на преклонный возраст, она сообщает многие подробности о своей жизни в детстве, юности и совместной жизни с Гертрудой Стайн. Поначалу издательство пригласило в помощь Элис писателя Макса Уайта, но после нескольких недель работы Уайт отказался от сотрудничества, ссылаясь на нежелание Токлас сообщать многие интимные детали, постоянно сворачивая беседу на личность Гертруды. В итоге издательство прислало другого литературного помощника. Первоначально автобиография продолжалась до 1951 года, но затем, по настоянию Элис, повествование сократили, закончив смертью Гертруды.

Автобиография «То, что помнится» включает тот же период жизни, что и «Автобиография Элис Б. Токлас», и любопытно сравнить, как описываются те же события разными (а может быть и не совсем разными!?) авторами. Не случайно многие литературоведы до сих пор пытаются анализировать оба текста, стараясь подтвердить или опровергнуть участие Токлас в написании «Автобиографии Элис Б. Токлас». Ведь последняя, написанная осенью 1932 года, резко отличается от всего, до тех пор написанного Г. Стайн, что неизбежно приводит читателя, биографов и исследователей творчества писательницы к заключению о возможном участии Токлас в написании этой книги. Особенно следует отметить огромный исследовательский труд², выполненный литературоведом и переводчиком Анне Линзи (Anne Linzie). Проанализировав три текста – *The Autobiography of Alice B. Toklas* (1932), *The Alice B. Toklas Cookbook* (1954) и *What Is Remembered* (1963), используя основные и общепринятые принципы литературоведения и литературного критицизма, Линзи бросила вполне обоснованный вызов авторству Стайн, во всяком случае, единоличному. Не ясно только, в какой степени заключалось участие Э. Токлас. Эта неясность, видимо, так и останется неясностью, а авторство книги всегда будет приписываться Стайн.

¹ Подчеркивание и курсив в тексте выполнены авторами. Примечания принадлежат переводчику.

² *Linzie Anna. The true story of Alice B. Toklas: a study of three autobiographies. University of Iowa Press, 2006.*

* * *

В связи с тем, что автобиография Токлас исключает описание ее собственной жизни после смерти Гертруды, мне показалось логичным дополнить ее письмами Элис к различным людям. Тем более, что они все в той или иной мере касаются жизни и творчества Стайн. По свидетельству Эдварда М. Бернса, крупнейшего биографа Стайн и Токлас, количество писем Токлас, находящихся в частных руках и архивах, превышает три тысячи. Многие письма Токлас – к отцу и подругам не сохранились.

Из доступного количества писем Э. Бернс отобрал, отредактировал и подготовил к печати около 400, написанных после смерти Гертруды Стайн, руководствуясь, по его словам, их литературной и биографической ценностью. Эти письма были изданы в 1973 году под названием *Staying on alone* – «Жизнь в одиночестве»³. На русском языке эти письма не издавались и в данной книге печатаются впервые.

Включить все письма не представлялось возможным, пришлось ограничить их количество – в книге приведено 90 писем. Не посчитал я уважительным к Токлас и воспользоваться сокращением или выдержками. Письма покрывают период 1946–1967 гг. и подобраны таким образом, чтобы можно было вкратце проследить стиль и характер жизни Элис в одиночестве.

В своих письмах к друзьям и знакомым Элис отмечала, что если бы не долг по отношению к Стайн, любовь к ней и преданность ее памяти, ей бы не было смысла продолжать жизнь. А пожелания писательницы и соответственно устремления самой Элис сводились к следующему:

– Добиться передачи портрета Гертруды работы Пикассо на постоянную экспозицию в Метрополитен Музей.

– Издать все неопубликованные произведения писательницы.

– Сохранить картины Стайн как целостную коллекцию и предпочтительно в стенах своей квартиры – в конце концов, это ведь была память Элис о Гертруде.

– Способствовать освобождению из тюрьмы и помилованию одного из ближайших друзей Стайн, французского профессора литературы Бернара Фая.

Какими бы фантастическими не казались эти цели для одинокой, без малого семидесятилетней женщины, она их достигла, приложив невероятное упорство, настойчивость и изворотливость. Правда, коллекция картин «выскользнула» из рук уже немощной 80-летней Элис, но, в конечном счете, целиком оказалась в Америке, хотя многие – в частных руках.

Односторонние, да еще выбранные письма неизбежно содержат в тексте неясности. С этим, увы, приходится считаться. Я счел нужным дать следующие пояснения по содержанию писем:

– Гертруда завещала свой портрет работы Пикассо Музею Метрополитен. Однако на него претендовал и музей Современного искусства (оба музея в Нью-Йорке) в силу соглашения между ними о разделе артистической направленности приобретаемых картин. Потребовалась бесконечная переписка, обращения к юристам, пока наконец в 1948 году Токлас не получила сертификат Метрополитен Музея, свидетельствующий о том, что Гертруда Стайн является меценатом музея.

– С 1951 по 1958 год в издательстве Йельского Университета вышли восемь томов неопубликованных произведений Стайн – ежегодно по одному тому. Все это требовало обширной переписки с куратором Йельского университета Дональдом Гэллапом, литературным душеприказчиком Карлом Ван Вехтенем, и авторами предисловий к каждому тому.

– Для сохранения целостности коллекции Элис предпринимала всяческие юридические и иные ухищрения, чтобы оберечь ее от притязаний наследников Стайн. Все дела по наследию

³ Alice B. Toklas *Staying on Alone*. Liveright Publishing Corporation, 1973.

вела юридическая фирма в Балтиморе. Боясь, что племянник Гертруды Аллан Стайн, а затем и его вдова, Рубина Стайн, доберутся до коллекции Гертруды, она проштамповала на обратной стороне каждой картины «Собственность Гертруды Стайн». Все предосторожности оказались излишними, поскольку сын Майкла, Аллан, умер в 1951, и Рубине Стайн самой пришлось долго «подбираться» к наследию своих детей. В последние годы Элис вынуждена была проводить длительное время в Италии для лечения, картины оставались без присмотра, и на этом основании и по решению суда Рубине в 1960 г. удалось изъять коллекцию с улицы Флерюс и пометить в сейфы банка. В конечном итоге коллекция была целиком куплена в 1969 г., уже после смерти Токлас, консорциумом из 6 американцев (включая братьев Рокфеллеров) за 6,25 миллионов долларов. Деньги были поделены между тремя детьми Аллана Стайна (внуками Майкла Стайна).

– В середине 20-х годов Стайн подружилась с Бернаром Фаем, французским литератором и ученым, прекрасно знакомым с американской литературой. Фай способствовал публикации произведений Стайн на французском языке. Их сотрудничество переросло к длительную и теплую дружбу, основанную на общности моральных и политических взглядов. В течение Второй мировой войны Фай был назначен Директором Национальной библиотеки и подчинялся Маршалу Петэну. Есть определенная заслуга Фая в том, что две еврейки-американки уцелели в период немецкой оккупации Франции. Увы, ярый противник масонства Фай собрал и передал Германии все имевшиеся материалы по масонской деятельности в стране, в результате чего сотни масонов подверглись гонениям и физической расправе. После войны за сотрудничество с германской администрацией Фай был приговорен к пожизненному заключению, замененному впоследствии двадцатью годами тюрьмы. «Святым делом» во имя Гертруды назвала Элис спасение Фая. Она обращалась к различным политическим и общественным деятелям Франции и Америки с просьбой помочь Фаю. Что не сделали бесчисленные письма, мольбы и просьбы, сделали деньги. Элис продала рисунки Пикассо, а вырученные деньги пошли на организацию побега и переправки Фая в Швейцарию.

После смерти Гертруды Стайн многие журналисты, литераторы и исследователи творчества писательницы пытались брать интервью у Э. Токлас. Обычно она была немногословна, воздерживалась от эмоций и избегала сообщений частного характера. Однако в нескольких беседах-интервью, она, как это бывает с людьми в глубокой старости, разоткровенничалась. Два интервью (одно – отрывочно) здесь приведены.

Газетно-журнальных публикаций Э. Токлас немного, в основном по кулинарии, несколько по литературе, одна – на политические темы. Здесь включена статья-воспоминание в газете «Нью-Йорк Таймс» о литературном Париже первой половины XX века.

В конце книги приводится индексный указатель имен в русской и оригинальной транскрипции. Это даст возможность искать в случае необходимости более подробную информацию в различных интернетовских и других источниках. Включение такой информации в саму книгу потребовало бы значительного увеличения объема книги. Исключение сделано для адресатов писем.

В письмах в основном сохранена пунктуация Токлас – она стремилась писать длинные предложения, оформляя их как абзацы – не иначе, как помнила выражение Стайн: «Предложения не эмоциональны, абзацы – да».

То, что помнится⁴

1

Я родилась и выросла в Калифорнии. Моего деда с материнской стороны можно считать первопроходцем. Он появился там до того, как Калифорния стала 10-м штатом, принятым в Юнион. Дед приобрел участок по добыче золота и поселился в Джексоне, графстве Амадор. Спустя несколько лет он опять пересек Истмус, Панама, и добрался до Бруклина, где женился на моей бабушке. Там родилась и моя мама. Когда ей исполнилось три года, семья вернулась в Джексон.

В день их прибытия в Сан-Франциско во всем городе звонили колокола. Моя бабушка объяснила, что звонят не по случаю праздника. Что же отмечали? На Лоун Маунтин повесили двоих – таков был ответ. Это был малоприятный прием, и это событием навсегда осталось в памяти бабушки.

Золотой прииск деда оказался малоудачным, он его продал и приобрел большой участок земли в долине Сан Хоакин, превратив его в ферму. Позднее муж его сводной сестры купил рядышком другой участок. Именно они организовали сопротивление проекту железнодорожной компании Саут Пасифик по прокладке железнодорожных путей, для перевозки на восток урожая долины Сан Хоакин. Они яростно сопротивлялись попыткам подорвать их монополию, завалили дорогу сельскохозяйственным инвентарем. Рельсоукладчик вынужден был остановиться. На следующий день он, однако, прорвался сквозь баррикады, и рабочие уложили рельсы, обеспечив себе проезд. Фрэнк Норрис использовал этот эпизод в первом романе своей трилогии «Спрут: Калифорнийская история» о хлеботоргах Калифорнии.

⁴ Copyright © What Is Remembered. Holt, Rinehart & Winston, NY, 1963.

Подходящих школ в графстве Амадор для моей матери и ее сестры не нашлось, как и возможности для бабушки совершенствоваться в музыке. Поэтому мой дед перевез семью в Сан-Франциско и пока он строил семейный дом, женщины жили в Нуклеас отеле. В доме, который он построил на О'Фарелл стрит, семья прожила долгие годы. Обе дочери выросли там, вышли замуж. Там родилась и я, там же позднее умерли бабушка с дедушкой.

Моя мать вместе с группой других женщин пригласила в Сан-Франциско Эмму Маруэдел, ученицу Фребеля, и под ее руководством в большом саду было построено здание школы, создан первый в США детский сад. Туда я отправлялась по утрам, научилась читать и писать по-немецки и по-английски, а также приобретала знания в географии и по арифметике.

Мне было семь или восемь лет, когда бабушка заговорила со мной о музыке и взяла меня на концерт. Первой прослушанной певицей на моей памяти была Жюдис, веселая, хотя и престарелая опереточная певица. На ней сверкала огромная бирюзовая брошь, окантованная по краям бриллиантами – подарок Императора Луи Наполеона. Это было мое первое знакомство с войной 1870 года.

С тех лет компания Тиволи Опера Хаус круглогодично ставила оперы от «Аиды» до «Корневильских Колоколов». Я с одинаковым удовольствием слушала и оперы и оперетты. Там же я впервые услышала «Лознгрин». Луиза Тетраццини пела Виолетту в Тиволи. Ее каденции стали сенсационными и ее пригласили петь в Метрополитен Опера в Нью-Йорке. Бабушка стала давать мне уроки музыки на пианино и рассказала, что она и ее три сестры были учениками Фридриха Вика, отца Клары Шуман. Одна из сестер стала в Вене концертирующим пианистом, за что родители лишили ее наследства. Она вышла замуж за армейского офицера, и это был последнее, что мы услышали о *Tante Berthe*⁵.

В девятилетием возрасте отец взял меня с ночевкой к бабушке с дедушкой. Наутро он позвал меня и сказал: «У меня для тебя сюрприз, ты увидишь своего братика». «Это Томми?» – спросила я. Так называлась небольшая мраморная статуэтка – бюст времен Ренессанса, хранившаяся у мамы, и к которой я была особенно привязана. «Нет, не думаю. – ответил отец. – Увидишь». Увидев маленькое красноватое создание, я готова была расплакаться. Я хотела обнять мать и признаться ей в своем страхе. «Он красный как рак. – сказала я. – Ты будешь любить его?». Обняв меня руками, мать ответила: «Не так, как тебя, милая моя, ты всегда будешь главной». Меня это успокоило⁶.

Именно в то время мои родители решили отправиться в Европу, чтобы отпраздновать золотую свадьбу родителей моего отца.

Мать и я нашли Нью-Йорк чересчур холодным. Мой кузен прокатил меня на сиденье с полозьями по льду замершего озера в Центральном парке, в то время как мой отец и его кузены выписывали фигуры на льду.

Чтобы добраться до парохода следовало сесть на паром в городе Хобокен. Сам паром вмерз, необходимо было высвободить его ото льда. Но на пароходе в Атлантическом океане светило солнце и все двенадцатидневное путешествие я играла на палубе.

В Гамбурге, где корабль пришвартовался, мы отправились в цирк Ренц, где не только дрессированные лошади, но и слоны танцевали под звуки большого духового медного оркестра.

Из Гамбурга мы поехали в Кемпен, Силезия, где нас приветствовала многочисленная отцовская родня. Там же к нам присоединился и нью-йоркский брат отца с семьей, а также двое других братьев из штата Нью-Мехико.

Мой дедушка с отцовской стороны был мягким, добрым человеком. Он читал мне сказки братьев Гримм, страшные по сравнению со сказками Ганса Кристина Андерсена и Перро, которые я уже знала. Молодым человеком дед покинул родительский дом и отправился в Порту-

⁵ Тете Берте (нем.).

⁶ Кларенс Фердинанд Токлас (*Clarence Ferdinand Toklas*), брат Элис. (1887–1937).

галию, а в 1848 году тайно от жены направился в Париж участвовать в баррикадных боях. Бабушка, не одобрявшая его эскапады, упредила банк в Париже не принимать чеки за его подпись. Оставшись без денег, он вынужден был вернуться в Кемпен.

Мой дед увлекался живописью и подарил одну свою картину моему отцу. Это была чудная картина, изображавшая двух польских всадников в окружении распростертых на земле раненных и мертвых русских солдат. Поляки кромсали оставшихся русских широченными саблями.

Бабушка была крупной, приятной властной женщиной. Она носила очень длинные бриллиантовые серьги. В высоко подобранных седых волосах виднелись искусственные цветы сирени. Мои бабушка с дедушкой прожили за 80 и умерли с разницей в один день.

Из Кемпена отец отвез нас в коляске, запряженной четверкой лошадей, в Штетин навещать своего приятеля лицейских дней. В Штетине, в ресторане какие-то польские офицеры упросили мою мать разрешить мне бокал шампанского, чтобы все могли выпить за Соединенные Штаты.

Из Кемпена наш путь лежал в Вену, а оттуда в Пешт, где родители встречались со своими друзьями. В музыкальном салоне молодежь танцевала с венгерскими офицерами. Я для них станцевала качучу и вальсировала с дочерьми хозяина, Стефани и Мелани. Голова у меня заметно закружилась, потому, что они не умели вальсировать в обратную сторону.

Из Пешта мы направились в Англию через Вену и Дрезден. Мать нашла в Кемпене молодую гувернантку – польку. Гувернантка оказалась приятной подружкой, но поскольку прекрасно изъяснялась по-английски, мне не удалось расширить знание польского языка выше уровня, полученного от отца – «Молитвы Богу» и «Боже, храни Польшу», которые я забыла по прошествии половины столетия.

В Англии мы остановились у дяди моей матери, который женился на шотландке. Жили они в сельской местности и у них были две дочери, Вайолет и Адель, моего возраста. Через несколько дней родители решили меня оставить с ними и посмотреть Лондон. Сестренки оказались славными подружками. Одна из них, Вайолет, как-то разбудила меня и сказала: «Пойдем быстро, Адель ходит во сне на балконе без ограды». Глаза у Адели были открыты, но было очевидно, что она не понимает, где она и что происходит. Это было страшным, но романтичным зрелищем.

Не таким пугающим, но таким же романтичным, было желе из слоновьего хобота, поданного детям к чаю. Желе приготовил индус-полковник, когда мы нанесли ему визит.

Из Англии мы вернулись в Гамбург. На сей раз остановились у другого мамино дяди, доктора, жившего с женой и овдовевшей дочерью. В семье было два больших черных пуделя, неподвижно сидевшие на ковриках, пока мы управлялись с охлажденными пудингами, первыми в моей жизни. Я запомнила название пудингов: Нессельроде и Гималайя. Каждому пуделю дали большой поднос с кофе и молоком. Когда они кончили, слуга удалил эти подносы и заменил их другими. Много лет позже, когда у нас с Гертрудой Стайн был свой пудель, я поняла, что такая система позволяла контролировать их аппетит.

В Гамбурге я и моя полька-гувернантка со слезами расстались, родители забирали меня в Америку на том же самом пароходе, которым мы плыли в Европу. Генерал Лью Уоллес, первый из прочитанных мной авторов, оказался с нами на борту. Генерал был послом в Турции и презентовал мне экземпляр своей книги «Бен Гур»⁷ с автографом.

Вскоре мы вернулись в Сан-Франциско и меня определили в школу мисс Мэри Уэст. Девчушка в моем классе поинтересовалась, не миллионер ли мой отец. Я сказала: «Не знаки. «А яхта у вас есть?» – продолжала она. Узнав, что у нас яхты нет, она перестала мной интере-

⁷ «Бен Гур» (англ. *Ben-Hur: A Tale of the Christ*, 1880) – исторический роман, книга американского писателя Льюис «Лью» Уоллеса (1827–1905).

соваться. Мать решила, что настало время пристроить меня в другую школу, где маленькие девочки не так снобистски воспитаны.

Новая школа мисс Лэйк показалась мне веселой и интересной. Я тут же познакомилась с излучающей тепло жизнерадостной девочкой Клэр Мур, ставшей на всю жизнь моей подругой. Клэр умерла лишь несколько лет тому назад. В свободное от учебы время мы читали те же книжки, рассказы Джулиан Юинг и Луизы Олкотт, отвратительный и унылый английский роман «Фонарщик» Марии Камминс⁸ и рассказ «Честное Благородное», который я безуспешно пыталась раздобыть для Гертруды Стайн. Затем мы увлеклись Диккенсом, начав с «Давида Копперфильда». Мне больше понравились «Повесть о двух городах» и «Большие Надежды».

Мать устроила мне членство в библиотеке Торговой Биржи и вскоре рассказы и романы сменились биографиями и мемуарами. Дома у меня появился Шекспир и кое-что из поэзии.

Я посещала школу мисс Лэйк четыре года. Затем мой отец решил, что мы переедем жить в Сиэтл. Два пожара и спад в промышленности серьезно ухудшили финансовое состояние отца, и там он рассчитывал выкарабкаться из трудной ситуации.

Вскоре после нашего переезда комитет Сан-Францисских банкиров приступил к расследованию финансовой ситуации сложившейся на Северо-Западе. Один из них поинтересовался у моего дяди в Спокане, как обстояли дела с его акциями в горнодобывающей отрасли. «Спасибо, очень благоприятно и ровно» – ответил мой дядя, не будучи склонным к разговорам.

Той осенью я посещала школу мисс Мэри Кокрэйн. Мисс Мэри и ее две сестры составляли штат школы, и все хорошо знали предметы, которым учили. Они были родом из Шенандоа Вэлли, хорошо помнили Гражданскую войну, и это временами вызывало заметную неприязнь между сестрами и их учениками, выходцами с Севера.

Во время моей учебы в школе мисс Кокрэйн армия генерала Кокса двигалась к Вашингтону. Мой отец был членом комитета, который пытался удерживать мужчин на фермах, снабжая их сельскохозяйственным инвентарем и поддерживая цены на урожай от падения.

Мать была страстным садоводом. Она окружила цветами дом и устроила на вершине холма, где мы жили, небольшие клумбы с разнообразными цветами. Она любила составлять оригинальные букеты, особенно из роз Гомера, украшая их сережками хмеля. В небольших клумбах, плотно засаженными цветами, где хватало места лишь для прополки сорняков и срезания цветов, росли различные сорта, ее любимые – карликовые желтые анютины глазки, барвинки и различные сорта сладкого горошка. Однажды я сказала ей: «У тебя такие замечательные голубые глаза, все равно как у водяных барвинок». Цветы заполняли своим запахом и красками весь дом.

Однажды осенью мы жили несколько недель на высоко расположенной ферме в Сноквалми Вэлли. Пришла молодая индианка и попросила пару обуви похоронить своего ребенка, всегда ходившего босиком. Красивая девушка-южанка, жившая на той же ферме, отдала ей пару белых сатиновых босоножек на высоком каблуке.

Мать с моим маленьким братом несколько недель в году проводила у моего дедушки в Сан-Франциско. У него же отдыхала и я во время своих каникул. Однажды, будучи там, я получила телеграмму от матери с сообщением, что миссис Кокрэйн закрыла свою школу и мне необходимо немедленно увидеть Сару Хэмлин. Предполагалось, что она теперь будет готовить меня к вступительным экзаменам в университет. Сара Хэмлин привезла в Соединенные Штаты Пандиту Рамабай, призывавшую в Индии юных вдов отказываться от приношения себя в жертву при сожжении их умерших мужей. Каждое утро Сара Хэмлин занималась со мной алгеброй и тригонометрией в объеме, достаточном, чтобы рекомендовать меня в Университет штата Вашингтон.

⁸ «Фонарщик» (англ. *Lampighter*, 1854) – роман американской писательницы Марии Камминс (англ. *Maria Susanna Cummins*, 1827–1866).

Зимний семестр в университете оказался приятным периодом: новые друзья, танцы, пикники на озере, когда позволяла погода. Тот год можно было бы отнести к радостным, не будь беспокойства за здоровье матери.

Следующей весной мать перенесла неудачную операцию. Отец решил, что нам следует вернуться в Сан-Франциско для консультации с хирургами. Упаковали мебель и вся компания – моя мать, отец, братишка, специальная медсестра и отцовская охотничья собака погрузились на поезд, Устроились в довольно комфортабельном доме.

Еще одна операция, рекомендованная лучшими хирургами, опять оказалась неудачной, моя мать так никогда не оправилась. Один из ее дядьев часто приглашал нас проехаться к нему в Клифф Хаус. Это стоило больших усилий моей матери, и следующей весной она умерла. Ужасный удар для нас.

Мой дед убедил нас переехать в его дом, где он проживал со своим братом Марком. Дом частенько посещали двоюродные братья, жившие в долине Сан Хоакин. Вскоре после того как мы переехали, разразилась Испано-американская война. Когда солдаты маршировали от Президио по Ван Несс авеню, чтобы погрузиться на корабли, отправлявшиеся на Филиппины, до меня доносились звуки труб оркестра. И я мчалась по Ван Несс авеню, попрощаться с солдатами из полков штатов Вашингтон и Калифорния. Это были те же ребята, с которыми я танцевала. Они были юны и веселы, в отличие от солдат двух мировых войн. Ребята из долины Сан Хоакин получали увольнительную, чтобы отобедать у нас дома. Кухарка и я готовили огромное количество сладких пирожков, чтобы ребята взяли их для своих товарищей в казармах.

Мой дед взял меня в Южную Калифорнию на встречу со своими друзьями-первопоселенцами. Мы добирались туда в карете, на телеге, верхом на лошади и на муле – увлекательно, но утомительно. Дед же мой, похоже, никогда не уставал. По возвращению на День Благодарения мы отправились в долину Сан Хоакин обозревать его владение.

Я получила диплом на пергаментной бумаге, свидетельствующий о присуждении мне степени бакалавра по музыке. Я приступила к урокам игры на пианино с Отто Бендиксом, учеником Листа, и гармонии с Оскаром Вейлем. Их ученица, талантливая и славная Элизабет Хансен стала моей подругой.

Миссис Мур с детьми вернулась из Европы. Когда Клэр готовилась к поступлению в колледж, произошла трагедия. Дженни, вторая дочь, обгорела до смерти. Ее кружевное платье загорелось от свечи, стоявшей на туалетном столике, и помощь подоспела чересчур поздно. Дженни была красивой, очаровательной и пленительной девушкой. Миссис Мур впала в проstration, и Клэр пришлось взвалить на себя обязанности главы семьи. Вскоре после этого они вновь отправились в Европу.

Я продолжала занятия с Отто Бендиксом. В Сиэтле, где жила Элизабет Хансен, мы дали совместный концерт. То была довольно амбициозная программа. Помню только, что она включала вариации Шумана для двух фортепиано. По возвращению в Сан-Франциско я играла «Странника» Шуберта с оркестром. Вскоре после этого Отто Бендикс умер, и моя музыкальная карьера оборвалась.

Мой дед простудился, болезнь перешла в воспаление легких и в течение недели он умер. В своем завещании $\frac{1}{4}$ своего наследства он завещал моей тете, и по $\frac{1}{4}$ каждому из своих внуков. Мой отец предложил поехать на юг для отдыха, продать большой дом деда, а по возвращении переехать в меньший по размеру. Мы нашли приятный дом с видом на Президио⁹.

Жизнь была приемлемой, я часто встречалась с Элеанор Джозеф, подругой Клэр. Клэр обладала язвительным умом и как-то выразилась о старом школьном приятеле: «Он сказал:

⁹ Район и парк нынешнего Сан-Франциско.

“Приходи в сад, Мод”, и Мод пошла»¹⁰. Я прозвала ее «Калифорнийская Нелл»¹¹ и обращалась к ней «Нелли».

Гарриет Леви, жившая рядом с нами по соседству, вернулась из Европы, где во Флоренции встретила с Гертрудой Стайн и ее братом Лео. Оба интересовались живописью Сезанна. С картинами Сезанна их познакомил Чарльз Лозер. Лео планировал отправиться в Париж и учиться живописи; там они с Гертрудой занялись коллекционированием картин. Гертруда частенько посещала художественные галереи Питти и Уфицци, и бывало разморенная летней жарой, засыпала прямо на одной из скамеек. Она говорила: «Приятно проснуться в окружении картин».

В Египте Гарриет познакомилась за обедом с одним англичанином, который спросил ее: «Скажите, сколько вы платите в Калифорнии за убийство китайца?». Гарриет пришла в ужас: «Я никогда не слышала о подобном!». «В Сан Хосе убить китайца стоит 10 долларов» – ответил англичанин.

Семья Муров опять вернулась из Европы. Старшая дочь Пола, выйдя замуж за доктора Уикстида, осталась в Лондоне. Когда он и его братья были еще малышами, некто подъехал к ним, когда они играли в саду, и спросил: «Здесь живет мистер Уикстид?», они хором ответили: «Мы и есть мистер Уикстид».

Семье нужен был глава, и Клэр вышла замуж за Уильяма де Груши, франко-канадца, выросшего в Бостоне, но переехавшего жить в Сан-Франциско.

Жизнь текла спокойно и неторопливо, пока однажды утром нас и наш дом потрянуло землетрясение. Произошла утечка газа, я поспешила в спальню отца, раздвинула занавески и шторы, открывая окна. Отец, по-видимому, еще спал. Я разбудила его: «Вставай, город в огне». «Это, – произнес он со своим обычным спокойствием, – ничего хорошего Востоку не принесет».

Наша служанка подогревала воду в кухне на спиртовке, чтобы приготовить кофе. Дымоходная труба свалилась, водопроводные трубы вышли из строя, ванны не будут. Я поднялась по холму к входу в Президио, там предрассветным утром генерал Фанстон со своим отрядом направлялся в город, где уже начались пожары.

Отец, который, наконец, поднялся, отправился в финансовый квартал города, чтобы убедиться в безопасности ли банковские сейфы. Убедившись в их целостности, он вернулся домой с четырьмя сотнями сигарет – все, что мог купить. «Для Нелли, для Клэр и для тебя», – объяснил он.

Я отослала служанку за продуктами, какие сможет достать, а сама пошла к Нелли, посмотреть, как обстоят дела у нее. Ее обе служанки – китайки – готовили еду на импровизированной печке на улице. Нелли находилась в своей потемневшей комнате-библиотеке, занимая свой ум, как обычно погрузившись в какой-то роман.

Когда я вернулась домой, там были Клэр и Гарриет. После ленча на тротуаре Клэр поторопилась к матери и брату в Саусалито, а Гарриет отправилась в Окленд.

Пол Коулс из Ассошиэйтед Пресс встретился с журналистами в полдень в Фэрмаунт отеле на Ноб Хилл. На их вопрос, встретятся ли они завтра опять, он ответил: «Если будет завтра».

Во второй половине дня я уложила семейное серебро в китайский сундучок, попросила брата выкопать глубокую яму в саду, в которую и опустили сундучок. Мы насыпали в яму достаточно много земли, чтобы предохранить серебро в случае, если пожар распространится. Работая в саду, я временами ощущала подземные толчки.

¹⁰ * ⁹ *Come into the garden, Maud* – первая строчка одноименной поэмы Альфреда Теннисона (англ. *Alfred Tennyson*, 1809–1892).

⁹ Район и парк нынешнего Сан-Франциско.

¹¹ Нелл, Нелли (англ. сленг *Nell*) – самая замечательная из встреченных девушек.

Отец с братом устроились на ночь недалеко от Президио, а я должна была провести ночь в Беркли с друзьями одной знакомой женщины. Света не была и прогулка к парому оказалась долгой и трудной.

Когда мы подошли к парому, город погрузился в темноту. Я спросила, идут ли поезда на той стороне залива. «Конечно», – раздался голос из темноты. Люди толпами поднимались на паром, но беспорядка не было. По счастью, у меня не было возможности на переполненном пароме обернуться назад и взглянуть на горящий Сан-Франциско.

В Беркли предстоял длительный подъем по холму к дому Сиднея Эрмерса, где нас приветствовали, накормили горячей едой и выделили удобные кровати. Я спала урывками и проснулась рано. Газеты в Беркли сообщали тревожные новости. Связь с Сан-Франциско отсутствовала, поэтому я тут же вернулась в Сан-Франциско, оставив мою подругу на попечение Эрмерсов.

Путешествие поездом и на пароме оказалась более нормальным, чем предыдущей ночью. Пассажиры не толпились, португальские музыканты на пароме играли развлекательную музыку. Я повстречала двух своих бывших учителей из школы мисс Лейк; они торопились назад, посмотреть, что осталось от их небольшого дома.

Город еще горел. Прибрежные строения и вся дорога к Ван Несс авеню лежали в руинах. Люди советовали каждому, как пробираться короче и безопаснее, и однако потребовался почти час, чтобы добраться до дома.

Отец с братом оставались в Президио недолго, казалось, сохраннее для имущества находиться рядом с ним и они вернулись домой.

Обмывшись губкой с холодной водой, я вышла на улицу. Проходя мимо дома Анни Фабиано, я остановилась и спросила, как они поживают. Она слыла большим специалистом по гвоздикам, вывела много ее новых сортов. Жара от пламени пожаров привела к тому, что цветы расцвели быстрее, чем в оранжереях. Анни не смогла остановить цветение и разрешила мне унести цветов столько, сколько смогу. Я так и поступила и отнесла их к Нелли.

Там собрались Нелли, ее сестра и оба брата, Клэр и Фрэнк Жако, за которого потом Нелли выйдет замуж. Старший брат Нелли, который управлял делами наследства матери, был в подавленном состоянии. Их доход сгорел в пламени пожара. Ничего не осталось, кроме их собственного дома. На ренту от него жить четверым было невозможно.

В Саусалито Клэр нашла пару пачек сигарет «Венус де Мило», которые мы понятия никогда не курили. Я достала несколько пачек, полученных от отца, и мы все с удовольствием ими воспользовались.

Повар-китаец, служивший у Нелли, приготовил нам замечательный ленч. Лишь спустя несколько недель он признался Нелли, что человек тридцать, его кузенов, чьи дома горели, появились у него в поисках убежища. Он раздобыл мешки с рисом, китайские полуфабрикаты и поместил всех пришедших вместе с продуктами в погреб, где они жили несколько недель и вели себя настолько тихо, что никто в доме не заметил их присутствия.

Когда я вернулась домой, отец сообщил, что владелец нашего дома договорился с рабочими отремонтировать дымоход. Для этого потребуется несколько дней, гораздо больше времени понадобится для восстановления водопроводной сети.

Вместе с нашей служанкой я принялась за чистку дома. Из-за дыма все было черно. Очищая шкафчик, я обнаружила два билета на спектакль «Федра» в греческом амфитеатре Калифорнийского университета с участием Сары Бернар. Я совершенно забыла об этом. Я решила, что отправлюсь в Окленд, перекушу, приму ванну у сестры Гарриет и возьму с собой ее племянницу. Не могла решить, что больше привлекало – театр или ванна.

Восхитительный голос Бернар запомнился мне со времен моей юности. Но тот день был особенно показателен. Оставшись одна в конце первого акта, Федра издает мучительный крик, покидая сцену. Очевидно, Бернар не репетировала и не ознакомилась с большой сценой. С

протянутыми руками и пронзительным криком она, казалось, вечно направлялась к выходу. Она продлевала крик, ее золотой голос не кончался. Аудитория затаила дыхание. Наконец она добралась до занавеса и исчезла. Я видела ее во многих трагических ролях, но никогда не была так потрясена. После представления, спасибо удачному случаю, мы оказались вблизи Сары Бернар, когда она садилась в открытый фаэтон, собираясь уезжать. Студенты университета распрягли лошадей и собирались тащить фаэтон сами. Она бесстрашно подставила лицо калифорнийскому солнцу, откинув назад голову и украсив лицо знаменитой сияющей улыбкой.

Жизнь после ремонта дымохода и водопровода показалась нормальной, хотя это было далеко не так. Нелли, как обычно, большую часть времени проводило в своей полутемной библиотеке. Она отбирала книги для продажи.

Клэр с мужем сняли квартиру на Пасифик авеню вдали от пожарниц.

Мы продолжали жить экстравагантно, но экономно. Фрэнк Жако позже обозвал нас «компания необходимой роскоши». Мы посещали театры, катались на машинах, пропадали в «Литл Пэлас Кафе и Отель», ставшим модным торговым центром, где можно было купить парижскую одежду и духи, если позволяли средства, да и если не позволяли.

Майкл Стайн, старший брат Гертруды, вместе с женой спешно приехали из Парижа, чтобы проинспектировать свои доходные дома и определить, что нуждается в ремонте. С собой они привезли «Портрет с зеленой полосой» – мадам Матисс с зеленой, простирающейся вниз линией на лице. Эта картина и остальные были первыми картинами Матисса, пересекшими Атлантический океан. Портрет произвел на меня огромное впечатление, такое же как «Женщина в шляпе» на Гертруды Стайн, когда та впервые увидела ее на вернисаже в Осеннем Салоне 1905 года и тут же приобрела ее.

Мисс Стайн, жена Майкла, последовала примеру Гертруды, приобретая Матисса, но картины Пикассо ей не нравились, как не нравились они и Матиссу. Ни изображения на картинах, ни сами картины не были в его вкусе. Миссис Стайн слепо следовало Матиссу, а Майкл верил жене и тому, во что верила она.

Мистер Стайн был джентльменом. Как-то я одела серебряный пояс с голубым камешком в пряжке, купленный на курорте Саут Си Айленд. Когда взгляд Майка Стайна упал на голубой камень, он вытащил из карман небольшое увеличительное стекло. Обследовав камень, он сказал, что это старинное азиатское стекло.

Мой отец встретил меня однажды на Ван Несс авеню, идущей вместе с супругами Стайн. Позже, уже дома он допросил меня с характерной для поляка предвзятостью: «Кто, ты говоришь, этот германский монументальный памятник, с которым ты была сегодня?»

Миссис Стайн, услышав как-то, что Гарриет и я собираемся когда-нибудь вместе в Париж, предложила мне вернуться с ними. Я прохладно отнеслась к этому предложению, и они подобрали себе более подходящую очаровательную молодую девушку.

Гарриет часто обсуждала нашу поездку в Париж. Сейчас подошло время поговорить о наших планах с отцом. В тот день, когда я ему об этом сообщила, он уклончиво вздохнул. Наконец сказал, что закроет дом и поселится в своем клубе. Мой брат вполне мог жить оставшиеся два университетских года в Калифорнии, в Беркли.

Мы смогли отправиться лишь в сентябре 1907 года. Нам предстояло в сильную жару пересечь весь континент, и пока проводник приводил наше купе в порядок, Гарриет и я сидели в салоне, где Гарриет и глава отделения психологии Эдинбургского университета впервые завязали разговор. Этот разговор перешел в длительные беседы.

В Нью-Йорке мы остановились в приличном отеле, на крыше которого был сад, где обедала Лилиан Рассел. Там же обедали и мы. Нелли к этому времени уже была замужем и вместе с Фрэнком Жако поселилась в Нью-Йорке. На следующий же день Нелли повела меня смотреть

Назимову в «Кукольном доме»¹². Ее славянский темперамент не подходил для роли Норы. Это была последняя постановка Ибсена, которую мне довелось увидеть.

Назавтра мы отправились на пароход и проехали мимо огромной стройки, где трудились мириады рабочих на месте, которое вскоре станет станцией Грэнд Рэпид. Почти библейское зрелище.

Нелли послала на корабль цветы, книги, журналы и фрукты. Мне достались письма Флобера, Гарриет – *Lord Jim*¹³, которую она расценила как бестактный выбор со стороны подруги, пославшей книгу.

Среди публики на корабле выделялся командир корабля, человек в годах. Однажды он заговорил со мной, когда я на палубе после обеда читала книгу. Мы провели большую часть путешествия вместе. Гарриет не обсуждала со мной этот эпизод, но я видела, что она считала меня недостаточно благоразумной. Командир и я спокойно попрощались, когда мы пересаживались на катер, доставивший нас к зданию порта Шербур.

Был праздничный день, люди танцевали прямо на улицах. Мы решили переночевать в Шербуре и утренним поездом отправиться в Париж. Под окном отеля в мягком французском воздухе раздавались французские голоса, певшие французские песни.

¹² «Кукольный дом» (норв. *Et dukkehjem*) – пьеса норвежского драматурга Генрика Ибсена (*Henrik Johan Ibsen*, 1828–1906).

¹³ «Лорд Джим» (англ. *Lord Jim*) – роман английского писателя Джозефа Конрада (*Joseph Conrad*, псевдоним *Юзефа Теодора Конрада Корженевского*, 1857–1924). Роман повествует о том, как команда корабля «Патна» покидает корабль и его пассажиров в преддверии катастрофы.

2

Проснувшись, в ожидании, когда принесут кофе, я открыла ставни и высунулась из окна. Внизу, в скверике напротив, люди чистили территорию, орудуя какими-то странными метлами и ведрами с водой. По сравнению с уборкой улиц в Сан-Франциско, это напоминало скорее домашнюю уборку.

Мы сели в поезд, состав судорожно дернулся, и отправился в путь. Нам достались места у окна. Кондуктор сказал, что имеется вагон-ресторан, где для нас тоже зарезервированы два места.

Пейзаж, мелькавший за окном, был восхитителен, в полях виднелись красные маки, белые нивяники, васильки и над всем этим распростерлось божественное голубое небо. Миниатюрные деревеньки, домики, жмущиеся друг к другу, церковь, коровы, волю, вспахивающие землю – полная благодать. Гарриет задремала. Во второй половине дня, когда осталась позади Нормандия, появился кондуктор, отрезал часть наших билетов и сообщил, что через полчаса прибудем в Париж.

Конечная станция была запружена и оживлена – ничего подобного в жизни я не видела. Люди входили, выходили, одни торопились – направо, другие – налево. Понадобилось довольно много времени, чтобы привыкнуть к французской суматохе.

Получив на таможне багаж, мы решили вместо большого и закрытого дилижанса нанять два фиакра и по дороге к отелю присмотреться к Парижу. Нелли посоветовала нам снять номер в «Магеллане», недалеко от площади Этуаль и Булонского Леса. Его ресторан был хорошо известен и славился отменной едой.

Номера оказались просторными – для каждой из нас имелась спальня, ванная и туалетная комната. Тут же зашла Гарриет – оказывается, она уже позвонила Майку Стайну, дала знать о нашем прибытии и о намерении, не откладывая, навестить их.

Мы снова оказались в этих удивительных фиакрах. Улицы не походили одна на другую, один квартал никак не напоминал другой; даже каждый дом внешне отличался от соседнего. Роскошные жилища могли соседствовать с продуктовыми лавками или прачечными. В те дни не требовалось покидать свой район, чтобы сделать покупки. Повсюду встречались цветочницы и цветочные магазины и вообще много интересного.

Семья Майкла Стайна проживала тогда (как и многие годы впоследствии) на улице Мадам, в здании, прежде принадлежавшем протестантской церкви. Огромная гостиная когда-то служила местом богослужения и занятий воскресной школы. Освещалась комната дневным светом благодаря нескольким огромным окнам, расположенным на одной стороне, и выходящими в сад; стены были увешаны множеством картин.

Нас встретили супруги Стайн [Майкл и Сара] и Гертруда Стайн. Гертруда Стайн целиком завладела моим вниманием, и это продолжалось в течение долгих лет нашей совместной жизни, и далее, в мои опустошенные годы после ее смерти. Вся бронзовая, загоревшая под солнцем Тосканы, с золотым оттенком теплых каштановых волос – такой она предстала предо мной. На ней был теплый вельветовый костюм с большой круглой коралловой брошью. Говорила очень мало, но много смеялась.

Мне казалось, что ее голос исходит из этой броши. И ни на какой другой этот голос не был похож – глубокое, сочное, бархатное, замечательное контральто, как два голоса. Она была крупной, грузной с небольшими деликатными руками и необыкновенно прекрасной, будто вылепленной, головой. Ее голову часто сравнивали с головой римских императоров, но позднее Дональд Сазерленд утверждал, что ее глаза характерны скорее для древних греков.

Нам подали чай, и вскоре после этого мы ушли. Гертруда Стайн пригласила меня на следующий день посетить ее квартиру на улице Флерюс и вместе отправиться на прогулку.

От всех событий, в один день случившихся, голова моя шла кругом. Вкусно отобедав, я принялась за книгу, но вскоре заснула. Утром распаковала вещи. Гарриет хотела перекусить на свежем воздухе в одном из ресторанов в Булонском лесу. На случай возможного опоздания мне показалось разумным послать *petit bleu*¹⁴. Я таки опоздала на полчаса.

Когда я добралась до улицы Флерюс и постучала в громадную входную дверь во дворе, ее открыла сама Гертруда Стайн. По сравнению со вчерашним днем она выглядела по-иному. В руках – моя записка, на лице – ни следа от прежней ободряющей улыбки. Ныне она предстала мстительной богиней, и я испугалась. Я не знала, что случилось или чего ожидать.

Даже сейчас не могу описать. Походив вдоль длинного флорентийского стола, удлинённого еще больше двумя прилегающими столиками, она остановилась передо мной и сказала: «Ну вот, теперь вы понимаете. А сейчас забудем об этом. Еще не поздно отправиться на прогулку. Пока я переоденусь, можете посмотреть картины».

Стены комнаты – с *cimaise*¹⁵ до потолка – были покрыты картинами. Мебель и предметы окружающей обстановки восхитили меня. Вот и сейчас напротив меня – большой тосканский стол, тосканский же старинный восьмиугольный столик с тремя массивными изогнутыми ножками-лапами, двухэтажный буфет в стиле Генрих IV с тремя вырезанными орлами на верхней части. Только после того, как мне довелось протирать пыль с этой и другой мебели, я по-настоящему оценила ее красоту, детали и пропорции. Здесь, в комнате на улице Кристин¹⁶, от предметов, что были на улице Флерюс, осталось лишь несколько: терракотовые, XVII века, фигурки женщин, да несколько артефактов итальянской керамики.

К тому времени, когда я разглядела мебель и всю обстановку, в комнату вернулась Гертруда Стайн, на сей раз более похожая на вчерашнюю. Улыбка пробилась сквозь хмурость, а из броши, как прежде, исходил ее глубокий смех. Она поинтересовалась Гарриет, ее здоровьем, настроением и способностями, говоря о Гарриет фамильярно, как о знакомой. Затем мы совершили нашу первую прогулку. В окрестностях Люксембургского сада она обратилась ко мне со словами: «Элис, посмотри на осеннюю лиственную ограду». Но я не решилась ответить ей той же фамильярностью.

Люксембургский сад был заполнен; одни ребяташки пускали кораблики в искусственном водоеме-озере, другие – вертели обручи с колокольчиками, точно такими же, какими я играла в детстве в парке Монсо. Няньки все еще носили длинные пелерины и накрахмаленные белые чепчики с длинными и широкими лентами. Гертруда Стайн провела меня садами через Малый Люксембург на бульвар Сен-Мишель. По дороге расспрашивала, какие книги читала на корабле, и переведены ли на английский язык письма Флобера. Она предпочитала не читать и не разговаривать на французском и немецком языках, хотя владела и тем и другим.

То тут, то там можно было видеть студентов с цветными ленточками, свидетельствующими о принадлежности к тому или иному факультету Сорбонского Университета. Гертруда Стайн знала хороший кондитерский магазин на Левом берегу [Сены], где продавали пирожные и мороженое, и предложила полакомиться, что мы и сделали, заказав миндальное мороженое, точно такое же, как в Сан-Франциско. Мы поедали сладости на свежем воздухе, сидя за столиком на тротуаре. Гертруда пригласила меня и Гарриет непременно поужинать у них в субботу и встретиться с художниками.

На следующее утро я отправилась на Правый берег, намереваясь получить рекомендательное письмо и забрать возможную почту в банке, что на Вандомской площади. Я обнаружила довольно неприятное письмо от капитана, на которое и не собиралась отвечать. Положив письмо в сумочку, я пошла к Тюильри. Там, присев около искусственного озера, разорвала

¹⁴ Срочное письмо, передаваемое пневматической почтой (фр.).

¹⁵ Декорированный карниз (фр.)

¹⁶ Второе, после улицы Флерюс, место жительства Гертруды и Элис

письмо на мелкие кусочки, и, надеясь, что меня никто не увидит, бросила их в воду. Затем через Елисейские поля вернулась в отель. Ладно, с этим эпизодом покончено.

Я предприняла несколько утренних и послеобеденных прогулок по разным местам, находя Париж все более и более очаровательным. В Лувр не заходила и не собиралась этого делать до следующей недели. Прежде всего, следовало поближе познакомиться с городом, которому предназначалось стать моим домом.

В субботу я постучала в дверь студии. На сей раз то была не Гертруда Стайн, а ее брат Лео. Вряд ли я бы признала его, сравнивая с сестрой – они совершенно не были похожи. Гертруда походила на родственников с отцовской стороны, братья – друг на друга. Внешне Лео весь, как и Гертруда, Стайн, казался золотисто-бронзовым; борода тоже отсвечивала золотом. Эдит Ситуэлл рассказала мне, как ее отца спросили, похожа ли дочь на него. Он ответил: «Да, но ей недостает “этого”», – и указал на бороду. Как и Гертруда, Стайн, Лео был одет во все коричневое. И одинаковые сандалии, сделанные во Флоренции по модели дизайнера Раймонда Дункана. Дункан скопировал модель с греческой вазы в Британском музее. У Лео была красивая пружинистая походка, он нес свое высокое тело с неподражаемой грациозностью. В то время он вел себя вполне дружелюбно. Но позднее, когда они с Гертрудой Стайн разошлись в оценке Пикассо и ее литературного творчества, он стал необоснованно критичным и невыносимым.

В студии вместе со Стайнками присутствовал и невысокий, очень смуглый и крайне оживленный молодой человек, Альфред Морер, американский художник; близкие звали его Альфи. Веселый и остроумный, он любил шокировать друзей. Однажды вечером, будучи в гостях у Стайнов во Фиезоле, он глядя с террасы вниз, на долину Арно, вздохнул: «Должно быть, там десять тысяч гурий». «Но десять тысяч чересчур много», – заметила Гертруда Стайн. «Но не для меня», – ответил Альфи.

Служанка Элен энергично постучала в дверь, призывая к обеду. Гертруда Стайн вывела нас из студии, закрыв ее на американский замок¹⁷. Расположенная рядышком дверь в павильон была открыта, и узким коридором, через первую же справа дверь, мы проследовали в столовую. Столовая была небольшая по размеру, да еще уставленная вдоль одной стены книжными полками. По обе стороны от двойных дверей – одна напротив другой – во всю их высоту висели акварели и рисунки Пикассо.

Когда мы сидели за столом, послышался громкий стук в дверь. Элен объявила о прибытии месье Пикассо и мадам Фернанды и в то же мгновение они вошли – возбужденные, не переставая говорить. Пикассо, очень смуглый, черноволосый, с удивительными сверкающими, всевидящими черными глазами, над одним из которых нависла узкая челка, доказывал своим резким испанским голосом: «Вы же знаете, как испанец, я предпочитаю приходить вовремя, таков я всегда!». Фернанда же своим характерным жестом – в наполеоновской манере с поднятой над головой рукой и указательным пальцем, направленным вверх, попросила у Гертруды Стайн извинения¹⁸. Новый костюм на ней, сшитый к завтрашнему вернисажу в Осеннем Салоне, не был доставлен в срок и, разумеется, не оставалось ничего другого, как подождать посылного. Фернанда была грузной женщиной с необыкновенным, естественного цвета *maquillage*¹⁹, и черными, узкими глазами. Вылитая одалиска. Внимание, которое она привлекла, польстило ей и она, умиротворенная, уселась.

Ужин был прост, но вкусно приготовлен. Элен не умела, да и не любила готовить сложные блюда или те, которые требовали большого времени. Она бы не рискнула приготовить восхитительные французские блины. Но все, требующее жарки, она доводила до совершенства.

¹⁷ Дверной замок, изобретенный Лайнусом Йейлом (*Yale key*).

¹⁸ Этот эпизод описан Стайн и в *Автобиографии Элис Б. Токлас* с любопытным и характерным отличием: у Стайн извиняется за опоздание Пикассо.

¹⁹ Макияж (фр.).

Баранья нога неизменно оказывалась редкостно вкусным угощением. Элен обычно ставила ее в духовку, отправлялась по делам поблизости от дома, но в нужный момент возвращалась, чтобы облить жиром мясо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.